

Признание правды

Северус наблюдал за тем, как Гарри расхаживает взад-вперед; он знал, что ребенок то и дело сомневается, говорить ему правду или нет. Его ониксовые глаза следили за подростком, в голове которого проносилось всё, что он узнал. Шкаф, чьётов шкаф! Герой волшебного мира, застрявший в таком месте, выброшенный на свалку, как это обычно делали домовые эльфы. Он был в ярости от того, что подросток никому не рассказал об этом. Десять минут прошло, отметил Северус, продолжая наблюдать за подростком. Он знал, что в этот момент ему придётся сражаться с Гарри, чтобы получить ответ. "Ответ, будьте добры", - процедил он.

"Это не имеет значения", - прорычал Гарри; не было смысла признаваться Снейпу в чём-либо ещё. В следующем году он, несомненно, вернётся к Дурслям, а может быть, и в другое место. Дамблдор, похоже, не хотел, чтобы в его жизни была хоть унция счастья. Он бы очень хотел знать, почему: что могло побудить Дамблдора сделать его несчастным? Он был озадачен; он просто терялся в догадках, когда думал об этом. Он молча размышлял о том, был ли Том Риддл правдив, когда сказал Гарри, что умолял Дамблдора не отпускать его обратно в приют. Он знал, что так и было - знал, потому что с ним произошло то же самое.

"Почему ты никому не сказал, Поттер? Где же твоя проклятая гриффиндорская храбрость?" Северус усмехнулся, подначивая подростка и надеясь таким образом получить ответ.

Ноздри Гарри вспыхнули от гнева. "Я должен был быть в Слизерине!" - огрызнулся подросток, надеясь, что это заставит Снейпа назвать его лжецом или прекратить его расспросы по этому поводу.

Северус знал, что подросток снова говорит правду, и был справедливо шокирован, но он также знал, что подросток просто отвлекает его от первоначального вопроса. Поэтому он решил, что пусть подросток думает, что победил, но ему действительно было любопытно. "Как это так?" с любопытством спросил Северус.

"Потому что я запретил. Я встречал людей, которые говорили мне, что Слизерин - это злой дом, что туда ходят только темные волшебники. И я только что встретил Малфоя; он слишком сильно напоминал мне моего кузена: избалованный... э-э-э... мальчик", - ответил Гарри, чувствуя триумф от того, что ему удалось отвлечь внимание Снейпа. Он уже собирался сказать "избалованный мальчишка", но не был уверен, как отреагирует Снейп на то, что он назвал его крестника избалованным мальчишкой.

"Слизерин или Гриффиндор, почему ты никому не сказал? Уверен, МакГонагалл устроила бы скандал, если бы ты ей сказал", - равнодушно ответил Северус. Если бы Гарри был отсортирован в Слизерин, он мог бы заметить признаки; ещё лучше, если бы мальчик пришёл к нему и доверился ему. Слизеринцы знали, что он не такой уж и злой, каким его представляли миру - дом Слизерин был для него на первом месте, а не Волдеморт, - и это удивило бы мальчика. Ну, для большинства людей верность дому стояла на первом месте, если только их не воспитывали, как его крестника, служить Волдеморту... не воспитывали, а обуславливали, - тихо предположил он.

Гарри поморщился: значит, ему не удалось отвлечь Снейпа. Ладно, начнем, подумал Гарри, пора врать. "Я никому не говорил, потому что какой в этом смысл? Кто бы мне поверил? В конце концов, я победил Волдеморта, когда мне был один год! Кто поверит, что маггл мог причинить мне вред?" Он не знал, почему ему так не хотелось рассказывать Снейпу о Дамблдоре.

"Это ложь, если я когда-либо слышал такую", - ответил Северус, пристально глядя на подростка.

Гарри остановился, его плечи опустились. Снейп всегда знал, когда он лжет; он не знал, как ему это удавалось, но он знал. И это чертовски раздражало: он всегда подозрительно смотрел на него, когда тот лгал. В тот день, когда был украден камень, он солгал, когда палата вновь открылась, что могло объяснить ошеломлённый взгляд Снейпа, когда он заговорил на парселтонге. Конечно, этот человек не мог подумать, что он имеет к этому отношение? возмущённо подумал Гарри, внезапно почувствовав себя очень неловко и задаваясь вопросом, что бы чувствовал Снейп, если бы признался, что это он. Снейп всегда обладал удивительной способностью понимать, когда он лжёт, и это не могло не беспокоить Гарри. Никто другой не знал, когда он лжёт. Он не был гордым или заносчивым; Гарри знал, как хорошо он умеет изображать уверенность или любую другую эмоцию, когда ему это было нужно. Он очень хорошо умел скрывать свою боль, скрывать свои обиды, скрывать свои слабости.

"Как тебе это удастся?" спросил Гарри, с трудом сдерживая хныканье в голосе.

Северус злобно ухмыльнулся, не в силах остановиться: "Это талант, Поттер; так кому же ты рассказал, что отправил тебя обратно?" - размышлял он, и от одного этого слова по его спине пробежали мурашки. Поттер доверял только двум учителям: старосте дома и директору. Он не хотел даже думать о том, что они могут отправить своего драгоценного Поттера обратно к жестоким отношениям.

"Какое это имеет значение?" - вздохнул Гарри. Он стоял лицом к окну и даже не смотрел больше на своего Мастера зелий. Это было похоже на очень странный сон, как будто он вот-вот проснётся в любой момент. Не может быть, чтобы он стоял в своей заимствованной комнате со Снейпом и обсуждал это; всё выглядело слишком сюрреалистично, а это о многом говорит, ведь за четыре года обучения в Хогвартсе Гарри повидал немало сюрреалистических вещей. Ну, сюрреалистических для него, но, возможно, не для тех, кто прожил в мире волшебников всю свою жизнь.

"Для меня это важно, Поттер, - резко возразил Северус. Северус невольно обратил внимание на то, каким худым был подросток; он мог сосчитать каждый позвонок в его позвоночнике, а рёбра почти выпирали из слишком натянутой кожи. У него сжалось сердце, когда он увидел, что Гарри выглядит таким маленьким и побеждённым, глядя на территорию Принц-мэнора. Ему уже были знакомы эти муки вины и стыда, но они всё равно не давали ему покоя.

"В конце первого года обучения я спросил Дамблдора, могу ли я остаться, что я даже буду жить с Хагридом и убирать Хогвартс, а не возвращаться к Дурслям". Гарри грустно вздохнул, в его голосе прозвучала тоскливая нотка. Просил? Да он, чёрт возьми, умолял, - с грустью

подумал Гарри; сказать, что он был потрясён, когда Дамблдор всё-таки настоял на его возвращении, всё равно что сказать, что он был счастлив увидеть Волдеморта в пачке. "Он сказал мне, что я должен вернуться; защита крови моей матери была важнее. Он даже заговорил о Квиррелле, так что у меня не было выбора. Он принимал решения, которые определяли всю мою жизнь, и я не понимаю, почему. Я знаю, что он ждёт от меня борьбы с ним, но я не понимаю, почему. Я не знаю, как я победил его, когда был ребенком; я не думаю, что и я имел к этому отношение, если нуждаюсь в защите крови моей матери".

Впервые в жизни Северус Снейп потерял дар речи. Ему хотелось назвать мальчика лжецом, но он не мог. Он прекрасно знал, что мальчик говорит правду; он также знал о пророчестве, которое управляло жизнью Гарри с самого его рождения. Он присутствовал при его произнесении, когда Люциус и Эйвери докладывали о нём Волдеморту. Ему ничего не оставалось, как поддержать их слова и сказать Волдеморту, что он слышал об этом не больше, чем они. Волдеморт был в ярости, но доволен: он был одержим гаданиями и тем, что узнает, как завоевать мир волшебников.

Сейчас он верил мальчику больше, чем когда-либо, поскольку тот начал наводить порядок. Гарри сказал, что Дамблдор хотел, чтобы он отправился за камнем; теперь он верил в это. Дамблдор испытывал Гарри, пытаясь заставить его исполнить какое-то пророчество. Гарри как никогда хотел бы знать его полное содержание, но никто, кроме Дамблдора, не знал этого. Трелони, к сожалению, не мог вспомнить, как и все предсказания провидцев. Единственным способом получить его было бы отправиться в Зал пророчеств, и только Гарри был бы в состоянии получить его. То, что делал Дамблдор, противоречило его клятве защищать Гарри, клятве, которую он дал Лили, а затем и Дамблдору.

Гарри посмотрел на ошеломлённое лицо своего учителя. Обычно то, что он смог привести Снейпа в чувство, вызывало у него страх или даже странное желание рассмеяться. Большинство людей обвиняли его в том, что он летучая мышь или вампир, в общем, бесчувственный ублюдок. Он и сам не раз ловил себя на таких мыслях, и никто не мог его в этом винить. Он был объектом самых язвительных замечаний Снейпа, самых страшных. Такая ненависть извергалась из его уст. Он до сих пор не понимал этого, но до сих пор этим летом Снейп не проявлял никакой гадливости вне поля зрения общественности, что было довольно странно, но он не собирался поднимать эту тему и рисковать гневом Снейпа. Он был уверен, что всё, что он рассказал Снейпу, не могло так сильно повлиять на него.

"Понятно", - спокойно сказал Северус, но внутри он был отнюдь не безмятежен.

"Сэр?" настороженно спросил Гарри.

"Завтра мы пойдём и купим тебе новую одежду, - сказал Северус, резко вставая. Ему было о чём подумать, и он не хотел делать это в присутствии своего ученика.

"Но я не могу!" запротестовал Гарри, не успев сдержаться. Может быть, если он объяснит всё учителю, тот поймёт, хотя ему нужно было выяснить, как сделать так, чтобы Вернон больше не получал его денег.

"А почему бы и нет?" спросил Северус, с любопытством приподняв бровь, не интересуясь ответом, но всё равно потакая мальчику.

"У меня нет достаточно денег! В моём хранилище достаточно денег, чтобы купить школьные вещи на ближайшие три года, и это если мой... Вернон не получит больше моих денег", - тихо сказал Гарри. Он не видел своего хранилища с первого курса. На втором курсе Молли сняла деньги, на третьем за него это сделало Министерство. На четвертом курсе это снова сделала Молли. Так что он понятия не имел, что осталось в его хранилищах, и осталось ли вообще что-нибудь.

Он не понимал, почему Снейп смеётся, хотя от этого смеха по спине пробегали мурашки. Смех Снейпа было неприятно слушать. Он звучал так же язвительно, как и обычно, а Северус просто стоял, ошеломлённый, с открытым ртом.

<http://tl.rulate.ru/book/100317/3426440>